

УДК 316.3

DOI 10.23683/2227-8656.2019.6.6

**ЭТНИЧЕСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ
СОЦИАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ:
ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**ETHNIC
IDENTITY
IN ENSURING
SOCIAL SECURITY
OF LOCAL COMMUNITIES:
THEORETICAL
AND
METHODOLOGICAL
RESEARCH APPROACHES**

Игошева Марина Анатольевна

Кандидат философских наук, доцент,
Ростовский государственный университет
путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: igosheva_marina@mail.ru

Marina A. Igosheva

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Rostov State Transport University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: igosheva_marina@mail.ru

Статья посвящена анализу теоретико-методологических подходов, позволяющих исследовать специфику и потенциал этнической идентичности в обеспечении социальной безопасности локальных сообществ. В статье рассматриваются функции этнической идентичности, способные обеспечить стабильное развитие локальному социуму и его сопротивляемость внешним деструктивным воздействиям.

The article is devoted to the analysis of theoretical and methodological approaches that allow us to explore the specifics and potential of ethnic identity in ensuring the social security of local communities. The article discusses the functions of ethnic identity that can ensure stable development of a local society and its resistance to external destructive influences.

Ключевые слова: этническая идентичность; социальная безопасность; локальные сообщества; конструктивистская парадигма; жизненный мир; структурно-функциональный подход; функции этнической идентичности.

Keywords: ethnic identity; social security; local communities; constructivist paradigm; life world; structural-functional approach; ethnic identity functions.

Введение

В настоящее время в ряде регионов мира остро стоят проблемы межэтнических отношений, которые зачастую имеют конфликтный характер. В условиях тотальной взаимосвязи стран и регионов любой локальный конфликт способен перерасти в глобальный и стать угрозой мировой безопасности. Это определяет научный интерес к проблеме актуализации этнической идентичности и ее роли в современных социальных процессах.

До середины XX в. ученые утверждали, что этническая идентичность как архаическая форма идентификации утрачивает свою значимость в силу активизации процессов модернизации и индивидуализации общества, а также тенденций культурной унификации народов на основе идеологии либерализма. Однако уже в конце XX в. мир столкнулся с новой волной этнического национализма, которая охватила многие регионы мира, том числе и Россию, породив множество конфликтов и сепарационных тенденций.

Современные исследователи отмечают, что в последние годы наблюдается настоящий взрыв интереса к теме идентичности. Идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие социальные процессы (Бауман, 2005).

Актуализация этнической идентичности в современном мире связана с ее способностью вызывать у индивидов сильнейший эмоциональный отклик: коллективную этническую солидарность, чувство привязанности к своей общности, гордость за нее, а в некоторых случаях – неприязнь, ненависть к другим этническим группам. Возможно, именно эти свойства этнической идентичности позволяют ей на сегодняшний день выступать наиболее прочной формой социальных связей, поскольку трудно представить подобную верность, например, классовым или иным социальным чувствам. Это заставляет обратить внимание на ресурсный потенциал этнической идентичности, который способен обеспечить защиту и культурное воспроизводство локальных сообществ в условиях сложных процессов современного мира, связанных с глобализационными тенденциями, миграционными процессами, обострением геополитического соперничества, в рамках которого ак-

туализируются этнический и религиозный факторы, а также интенсификацией межкультурного взаимодействия.

Этническая идентичность в конструктивистской парадигме

В научном дискурсе наиболее концептуальной для изучения этнической идентичности и ее возможностей в обеспечении социальной безопасности локальных сообществ в условиях неоднозначных глобализационных процессов современного мира выступает конструктивистская парадигма.

Комплексный конструктивистский подход представлен в теории П. Бергера и Т. Лукмана, которые рассматривают социальную реальность как «континуум типизаций», из которых собственно она и состоит (Бергер, 1995). Социальное конструирование, по мнению авторов, представляет собой непрерывный процесс, состоящий из следующих компонентов: экстернализации, объективации и интернализации. Как пишут исследователи, индивид одновременно «экстернализирует себя в социальном мире и интернализирует последний как объективную реальность» (Бергер, 1995. С. 210).

Тем самым конструирование мира происходит в процессе социализации, в ходе которой индивид приобщается к той модели социальной реальности, которая создана еще до него. В структуре социализации П. Бергер и Т. Лукман выделяют два этапа – первичную и вторичную. Данные этапы отражают процессы обретения индивидом своей идентичности. Первый этап представляет собой начальный уровень идентификации, осуществляемый в пространстве первичных локальных групп (семья, этнос). Второй этап связан с освоением сложной институциональной среды общества, включающей формальные и неформальные нормы, разнообразие социальных ролей и пр. По мнению ученых, именно второй этап социализации позволяет индивиду сформировать свою целостную идентичность, т. е. осознать свое единство не только с представителями отдельной социальной группы («значимыми другими» в терминологии П. Бергера и Т. Лукмана), но и с обществом в целом. В этой связи «лишь благодаря этой обобщенной идентификации его собственная самоидентификация приобретает стабильность и непрерывность» (Бергер, 1995. С. 214).

Таким образом, конструктивистский подход дает возможность рассматривать этническую идентичность как конструкцию, которая создается людьми в ходе исторического развития. Кроме того, этнические границы не только являются конструктом обыденного сознания,

но и концептуализируются в научных теориях, а также легитимируются посредством правовых и политических институтов.

В свою очередь, представитель конструктивистского структурализма П. Бурдьё утверждал, что конструирование социального пространства, в том числе и по этническим основаниям, осуществляется посредством дискурса, который транслирует те или иные концепты, подчиняя своей логике организацию межгрупповых отношений (Бурдьё, 2005). В результате определенного дискурса происходит процесс объективации идей, посредством которых определяются структура повседневного мира индивида и его отношения с другими людьми. Таким образом, конструктивистский подход открывает возможность для понимания механизма формирования культурных границ социальных групп.

Опираясь на конструктивистский подход, этническую идентичность можно интерпретировать как способ организации символического пространства общности, определяющего границы жизненного мира людей, которые осознают свою взаимосвязь на основе представлений об общей культуре, истории, судьбе.

Этническая идентичность локальных общностей с позиции теории жизненного мира

Для изучения этнической идентичности в обеспечении социальной безопасности локальных сообществ целесообразно обратиться к концепции жизненного мира, позволяющей раскрыть значимость повседневных практик, которые определяют отношения человека со своей общностью, его картину мира и формы социального поведения.

Концепция жизненного мира разрабатывается в философии Э. Гуссерля, А. Шюца, Ю. Хабермаса. В философии Э. Гуссерля жизненный мир представляет собой мир «изначальных очевидностей», которые проявляются в повседневном опыте людей. Данный концепт вводится мыслителем для преодоления сугубо рациональных методов постижения мира, применяемых в естественных науках. Критика рациональности как основы научного познания привела Э. Гуссерля к идее повседневности, которая не входила в границы научного знания, но обладала гораздо большей значимостью для людей. Эта идея легла в основу понятия «жизненный мир», охватывающего «исторически изменчивый социальный мир во всех его конкретно-эмпирических формах проявления» (Гуссерль, 1992. С. 156). Тем самым жизненный мир – это мир в его значимости для человека, конкретно переживаемый им опыт жизни. Поскольку процесс социализации изначально

осуществляется в сфере повседневности, то последняя является для человека миром очевидностей, который и формирует его первичную картину мира.

С точки зрения А. Шюца, жизненный мир выступает «естественной установкой сознания», лежащей в основе повседневной деятельности людей. Повседневность определяет им как «интерсубъективный мир культуры», который изначально воспринимается индивидом как существующий объективно и как общий для него и других (Шюц, 1988. С. 135). В этом плане жизненный мир – это сфера столкновения «я» индивида и социальной реальности в определённом пространственно-временном континууме, в котором происходят формирование человека, его адаптация к этому миру, изменения себя и мира в соответствии со своими потребностями.

Согласно Ю. Хабермасу, жизненный мир есть «совокупность условий возможности интенционального отношения к миру, взаимного перенимания перспектив, использования пропозиционально дифференцированного языка, а также инструментального и социального действия» (Хабермас, 2009). Тем самым в понятие жизненного мира вкладывается представление о границах включенности субъекта в системы социальных отношений. Причем, как подчеркивает философ, установки жизненного мира присутствуют в сознании индивида исключительно на бессознательном уровне. Жизненный мир не дан человеку в виде научных теорий, напротив, он предшествует теоретическому знанию, поскольку гораздо шире и глубже последнего.

Проблема жизненного мира анализируется в работах современных российских авторов, предлагающих системный подход, который позволяет рассматривать жизненный мир человека как «целостную систему, состоящую из следующих компонентов: биологического, психического, социокультурного, трансцендентного и экзистенциального» (Иконникова, 2009. С. 42). Все эти элементы обладают огромной значимостью для людей, и покушение на них воспринимается крайне болезненно.

Концепция жизненного мира позволяет понять характер связи человека со своей локальной общностью, выступающей для него миром его повседневного существования, обладающим границами, отгораживающими его от других миров. К анализу локальных общностей обращаются как зарубежные (Arensberg, 1961; Nisbet, 2010), так и отечественные исследователи (Вахштайн, 2013; Киселев, 2010; Ореховская, 2018).

Американский социолог Р. Нисбет рассматривает локальное сообщество как «явление, заключающее в себе все формы взаимоотношений, которые характеризуются высоким градусом персональной близости, эмоциональной глубиной, моральными обязательствами, социальной сплоченностью и продолжительностью во времени, заряженное позитивом» (Nisbet, 2010. P. 33).

В данном определении обращается внимание на такие основания сплоченности общества, как доверие и солидарность, которые формируют прочные связи, обеспечивают зону комфорта и безопасности индивидов. Исследователи утверждают, что локальные сообщества, в силу наличия определенных духовных скреп, способны адаптироваться к меняющимся социальным условиям. Их «выживаемость» связана с тем, что в современном мире «не последовало адекватной замены, способной эффективно выполнять жизненно важные социальные функции» (Бедрик, 2019; Давыдов, 2014). Благодаря локальной идентификации человек преодолевает духовный вакуум современного техногенного мира, опираясь на ценности, традиции жизненного мира своей локальной общности.

Структурно-функциональный подход к этнической идентичности

Для выявления потенциала этнической идентичности в обеспечении социальной безопасности сообщества целесообразно использовать структурно-функциональный подход. Он разрабатывается в работах Б. Малиновского, А. Рэдклифф-Брауна, К. Леви-Стросса. Авторы рассматривают социальные общества как сложные структуры, каждый элемент которой выполняет определенную функцию (Малиновский, 1997; Рэдклифф-Браун, 2001). Как отмечает К. Леви-Стросс, для любой социальной группы характерна своя структура, формирование которой обусловлено закономерностями, которые определяют ресурсы ее выживания в сложных критических ситуациях (Леви-Стросс, 1999). Речь идет в первую очередь о нормах, ценностях, традициях, позволяющих обеспечивать стабильное развитие социума и сопротивляемость внешним деструктивным воздействиям.

Структурно-функциональный подход позволяет рассматривать этническую идентичность через совокупность функций, которые она способна выполнять в обществе. В связи с этим в научном дискурсе сложилось несколько подходов в понимании функционального назначения этнической идентичности в обществе.

По мнению С. В. Соколовского, основными функциями этнической идентичности являются утилитарная, мировоззренческая и гуманитарная (Соколовский, 1994). Утилитарная функция этнической идентичности заключается в предоставлении индивиду «убежища», «приюта», в котором личность пытается обрести защиту и поддержку представителей «своей» группы. В этом аспекте ученый предлагает рассматривать «этничность как дом», подчеркивая ее роль как средства преодоления отчуждения в мире, обеспечения комфорта, а также как способ упрощения взаимодействия в мире, разделенном на своих и чужих.

Мировоззренческая функция этнической идентичности проявляется в конструировании этнического пространства посредством языка. Этничность как язык представляет собой особую форму дискурса, посредством которого формируется картина мира общности. В этом аспекте этнический дискурс выступает в двух ипостасях: как составляющая повседневной речевой практики, в которой происходит фиксация этнических отличий и, соответственно, разделение на своих и чужих, а также как сфера научного обоснования этнокультурных отличий социальных групп и их концептуализация в научном дискурсе.

Гуманитарная функция отражает специфику этничности как вызова. В этом аспекте этническая идентичность рассматривается как форма, представляющая многообразие мира и право культур на сохранение своей уникальности и самобытности. Данная функция выражает экзистенциальную ценность этнической идентичности как способа сохранения культурного разнообразия мира. По мнению С. В. Соколовского, данные функции позволяют рассматривать этничность как «инструмент в решении личностных и социальных проблем, превращают ее в важный фактор развития современного мира, дают возможность ее использовать как во благо, так и во зло» (Соколовский, 1994. С. 7). Представляется, что такое понимание этнической идентичности открывает методологические возможности для изучения ее ресурсного потенциала в обеспечении социальной безопасности локальных сообществ.

В научной литературе предлагаются и иные подходы к пониманию функций этнической идентичности. Согласно позиции З. В. Сикевич, этническая идентичность обладает рядом основных функций и имеет несколько дополнительных или ситуативных (Сикевич, 1999). К основным функциям исследователь относит регулятивную, информационную, психологическую (или защитную). Си-

туативные функции включают инструментальную (или мобилизационную) и мотивационную составляющую. Автор отмечает, что в критических или кризисных ситуациях этничность становится эффективным инструментом для мобилизации социальных групп с целью достижения определенных экономических, политических и других целей. В современном мире апелляция к этическим маркерам является более успешной, нежели к другим (политическим, классовым и проч.). В этом плане актуализированная этническая идентичность часто выступает критерием оценки социальных, как и политических, отношений, мотивируя индивидов на определенные формы поведения.

В свою очередь, О.М. Шевченко к основным функциям этнической идентичности относит регулятивную функцию, проявляющуюся в упорядочивании социального поведения на основе норм, ценностей, традиций, обычаев группы; информационную функцию, в которой этничность выступает в качестве своеобразного информационного фильтра, упорядочивающего разнообразную информацию с позиций культурных норм своей группы; терапевтическую функцию, удовлетворяющую психологическую потребность индивида в стремлении к устойчивости и определенности социального мира; мобилизационную функцию, способную консолидировать общность для достижения тех или иных целей (Шевченко, 2007).

Данные подходы представляются вполне концептуальными для понимания возможностей этнической идентичности в современном мире. В связи с этим представляется целесообразным выделить следующие функции этнической идентичности, позволяющие ей обеспечить безопасность локальной общности: а) нормативная функция, связанная с установлением норм, обеспечивающих устойчивое повседневное функционирование общности; б) социально-психологическая, создающая защиту и комфортную среду индивиду; в) символическая функция, формирующая жизненный мир группы на основе сакрализации символов, отражающих ее значимые ценности; г) мировоззренческая функция, формирующая картину мира социальной общности; д) мобилизационная функция, обеспечивающая консолидацию индивидов на основе этнической принадлежности и общих интересов.

Данные функции позволяют глубже раскрыть сущность этнической идентичности и ее ресурсный потенциал в обеспечении социальной безопасности локальных сообществ.

Заключение

В итоге можно заключить, что этническая идентичность обладает потенциалом, способным обеспечивать локальной общности защиту от угроз, связанных с процессами глобализации, охватившими различные сферы социальной жизни. Современные глобальные трансформации, затрагивающие политическую, экономическую и культурную сферы социума, нарушают привычные формы жизнедеятельности локальных социальных структур. Глобализация не только способствует сближению народов и культур, но и несет в себе угрозы для их этнической идентичности.

В условиях современных глобализационных тенденций и усиливающегося геополитического противоборства, использующего этнический фактор в современных конфликтах, основными угрозами этнической идентичности являются физическое уничтожение этнической группы (этноцид, демографический кризис); изменения или размывание культурных границ группы; унификационные тенденции в сфере культуры; девальвация традиционных ценностей; разрушение сакрального символического мира общности и т. д.

В условиях радикальных трансформаций мировой системы, сопровождающихся нарастанием кризиса и социальной нестабильности, актуализируются локальные идентичности (этническая, религиозная и проч.), которые заполняют идеологический вакуум и выступают в качестве духовной опоры для человека. Таким образом, можно говорить о возможностях этнической идентичности в обеспечении социальной безопасности локальных сообществ в условиях глобальной перестройки мировой системы, связанной с разрушением прежних форм социальности и актуализацией противоречий, порожденных столкновением глобализационных и контрглобализационных тенденций.

Литература

Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.

Бедрик А.В., Дьяченко А.Н., Бинева Н.К. Социальные субъекты гармонизации межэтнических отношений на Юге России: управленческий и гражданский потенциал // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 2. С. 137–147.

Бергер П., Лукман Т. Социальное кон-

References

Bauman, Z. (2005). Individualized society. Trans. from English. V. L. Inozemcev (Ed.). M.: Logos.

Bedrik, A.V., D'yachenko, A.N., Bineeva, N.K. (2019). Social subjects of harmonization of interethnic relations in the South of Russia: managerial and civic potential. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 8, 2, 137-147. (in Russian).

Berger, P., Lukman, T. (1995). Social

струирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.

Вахштайн В. К. К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности или работа над ошибками // Социология власти. 2013. № 3. С. 8–26.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136–176.

Давыдов О. Б. Философия сообщества Р. Нисбета // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 4 (36). Режим доступа: www.sisp.nkras.ru.

Иконникова Г.И., Иконникова Н.И. Цивилизационный сдвиг – действительность или возможность. М.: Форум, 2009. 320 с.

Киселев К. В. Структурирование местных сообществ и группы интересов // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Уральского отд. Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 259–270.

Леви-Стросс К. Мифологии : в 4 т. Т. 1 : Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 406 с.

Малиновский Б. Функциональная теория // Антология исследований культуры. Т. 1 : Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. 728 с.

Ореховская Е.В. Перспективы локальных сообществ в постиндустриальном обществе // Вестн. Томского государственного ун-та. 2018. № 437.

Рэдклифф-Браун А. Р. Метод в социальной антропологии. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 416 с.

Сикевич З.В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II, вып. 2. С. 66–71.

Соколовский С. В. Парадигмы этнологического знания // Этнологическое обозрение. 1994. № 2. С. 3–17.

Хабермас Ю. Лекция о жизненном мире. 2009. МГУ им. М. В. Ломоносова. Режим доступа: http://www.russia.ru/video/nauka_habermas.

Шевченко О. М. Фактор этничности в

construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. M.: Medium.

Bourdieu, P. (2005). Sociology of social space. Trans. from French Shmatko N.A. SPb.: Aletejya.

Vahstajjn, V.K. (2013). To the conceptualization of the community: once again about residency or work on bugs. *Sociologiya vlasti*, 3, 8-26. (in Russian).

Husserl, E. (1992). The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. *Voprosy filosofii*, 7, 136-176. (in Russian).

Davydov, O.B. (2014). R. Nisbet's community philosophy. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 4 (36). Available at: www.sisp.nkras.ru. (in Russian).

Ikonnikova, G.I., Ikonnikova, N.I. (2009). A civilizational shift – a reality or a possibility. M.: Forum.

Kiselev, K.V. (2010). Structuring local communities and interest groups. *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural'skogo отд. Rossijskoj akademii nauk*, 10, 259-270. (in Russian).

Levi-Stross, K. (1999). Mythologies: in 4 vol. Vol. 1: Raw and cooked. M.; SPb.: Universitetskaya kniga.

Malinovskij, B. (1997). Functional theory. *Antologiya issledovanij kul'tury. T. 1: Interpretacii kul'tury*. SPb.: Universitetskaya kniga.

Orekhovskaya, E.V. (2018). Prospects for local communities in a post-industrial society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 437. (in Russian).

Redklyff-Braun, A.R. (2001). Method in social anthropology. M.: KANON-press-C, Kuchkovo pole, 416 p.

Sikevich, Z.V. (1999). On the ratio of ethnic and social. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, II, 2, 66-71. (in Russian).

Sokolovskij, S.V. (1994). Paradigmy etnologicheskogo znaniya // *Etnologicheskoe obozrenie*, 2, 3-17. (in Russian).

Habermas, Yu. (2009). Lecture on the living world. Lomonosov Moscow State University. Available at: http://www.russia.ru/video/nauka_habermas.

Shevchenko, O. M. (2007). The factor of

процессе социальных взаимодействий // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: тез. докл. регион. научн. конф. (19–20 сентября 2007 г.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 120–136.

Arensberg C. The Community as Object and As Sample // *American Anthropologist*. 1961. Vol. 63, № 2. P. 112–120.

Nisbet R. The quest for community // *Intercollegiate Studies Institute*. 2010. 330 p.

ethnicity in the process of social interactions. *Vzaimodejstvie narodov i kul'tur na YUge Rossii: istoriya i sovremennost': tezisy dokladov regional'noj nauchnoj konferencii (19-20 sentyabrya 2007 g.)*. Rostov n/D.: Izd-vo YUNC RAN.

Schutz, A. (1988). Structure of everyday thinking. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2, 120-136. (in Russian).

Arensberg, C. (1961). The community as object and as sample. *American Anthropologist*, 63, 2, 112-120.

Nisbet, R. (2010). The quest for community. *Intercollegiate Studies Institute*. 330 p.

Поступила в редакцию

19 сентября 2019 г.